К84.09(=496)6
Г83
К-44912

Григорьев Измаил Мих.

Измай ИЗЕМБЕК

ВОСЬМАЯ МИНА

Чебоксары
2000

Национальная библиотека ЧР
k-044412

К 84.09(=Чу
Г83

Измай ИЗЕМБЕК

ВОСЬМАЯ МИНА

Рассказы и зарисовки

Чебоксары
2000

УДК 821. 512.111
ББК 84 (2 Рос.=Чув.) 4
И 32

Автор сердечно благодарит мэра г. Чебоксары полковника запаса Анатолия Александровича Игумнова за помощь в выпуске этой книги.

ПРОВЕРЕН
20 ~~03~~ ~~ОКТ~~ 2017

ИЗМАЙ ИЗЕМБЕК. Восьмая мина. Рассказы и зарисовки. — Чебоксары: Издательство «Чувашия», 2000. – 96.с.

Книга посвящена будням воинов наших Вооруженных Сил 70-80-х годов.

К-44412
НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

© И.М.Григорьев, 2000.

ПРИЗВАН НАВСЕГДА

Если ты призван в журналистику как воин, то это навсегда. Впервые такое призывно-обязывающее словосочетание я услышал в редакции газеты «За Родину» Приволжского военного округа, где стажировался как военный корреспондент. И сказал это не кто иной, а редактор этого издания, опытный журналист, участник войны полковник Михаил Хасанов, повидавший в своей творческой жизни немало коллег и талантливых, и средних, и определенно серых. Следовательно, имея за плечами тридцатилетний опыт военной журналистики, он имел полное право как на постановку творческих задач, так и на советы по выбору форм и методов их художественного воплощения. Сегодня эти слова вспомнились в связи с тем, что как раз в ту же пору активно сотрудничал с этой газетой мой друг и земляк, журналист-дивизионщик Измаил Григорьев.

Конечно, в данном случае я думал не столько над механической реализацией задачи, как о донельзя удачном соответствии сказанного с беспокойным делом журналиста. Сколько нужно иметь данных, чтобы стать настоящим жур-

налистом! Это — и природный дар, и память, и жизненный опыт, и необходимый кругозор, и этикет подхода и отхода, и собственный слог, и оригинальное мышление. И железное упрямство, если на то пошло.

Всеми этими качествами сполна обладает мой друг Измаил Григорьев, книгу армейских рассказов которого я имею честь открыть своим предисловием. С того времени теперь уже незаметно пролетело почти тридцать лет, он дослужился до воинского звания полковник, умело совмещая сначала общевойсковую, затем преподавательскую работу в высших военных училищах с газетной деятельностью. Теперь уж и не счесть не только количество его публикаций, но и названий тех изданий, где в разное время увидели свет его очерки, статьи, репортажи, зарисовки и корреспонденции. Автор многих книг, он признан литературной общественностью и как писатель-профессионал. «Ни дня без строчки» — эта чеховская установка, мне кажется, вполне относится и к Измаилу Григорьеву, офицеру и педагогу, писателю и журналисту, убежденному и настоящему гражданину России.

Юрий СЕМЕНДЕР.

АЛЫЕ МАКИ СТАРШИНЫ

После окончания училища я, молодой лейтенант, прибыл с направлением на первое место службы. Перед казармами меня встретил газон с шеренгами из алых маков. Их нельзя было не заметить. Маки притягивали к себе, вызывали в душе какое-то тревожно-возвышенное настроение.

Помнится, недалеко от газона стояли молодые солдаты, а среди них — старшина сверхсрочной службы. В висках — проседь, на кителе несколько орденских планок.

«Фронтовик», — подумал я тогда.

Позже я узнал, что старшина сверхсрочной службы был старшиной роты соседнего подразделения. А звали его Николаем Федоровичем, фамилия — Шунин.

Заинтересовался я тогда и маками.

— Это маки старшины Шунина, — ответили мне молодые солдаты. — Они каждый год здесь цветут. Говорят, вот уже десять лет подряд...

Старшина ревниво ухаживал за газоном. Задолго до подъема приходил он во двор части, выпалывал сорняки, выдергивал высохшие стебли, поливал. А когда лепестки облетали и головки становились коричневыми и сухими, старшина рассеивал семена по газону, чтобы следующей весной они опять радовали глаз.

Однажды, проходя мимо курилки, я встретил Николая Федоровича. Он сидел на скамеечке, о чем-то задумался и не слышал моих шагов.

— Наверное, молодость вспоминаете, товарищ старшина? — спросил я, присаживаясь рядом.

Думаю, вот сейчас расскажет он о какой-нибудь трогательной истории, пробудившей у него любовь к макам. Но мои попытки вызвать старшину на откровенность не имели успеха.

Он молчал. А когда заговорил, то совсем на другую тему.

— Извините, вчера я наблюдал, товарищ лейтенант, как вы проводили занятия по строевой подготовке...

— И что же? — обескураженно спросил я, чувствуя, что услышу совсем не то, что ожидал.

— Слишком много вы теоретизируете. Рассказываете долго, а на показ и тренировку времени мало остается.

Сначала я чуть было не взорвался: разве может вот так выговаривать младший по званию старшему? Это же явное нарушение субординации! Еле сдержался. А потом был очень доволен, что проявил выдержку. Общение со старшиной, опытным, прошедшим войну младшим командиром, многому меня научило. И позднее, отводя старшину в сторону, не раз спрашивал:

— Николай Федорович, я бы послушал Ваше мнение...

И он всегда откровенно говорил об основных недостатках проведенного занятия.

А о том, почему он так любил маков, я узнал от прибывшего к нам в гости ветерана части.

Вот что он рассказал:

– ... Это произошло летом 1944 года в Прибалтике. Рядовой Шунин был вторым номером расчета пулемета «Максим». Молодой, необстрелянный. Только из запасного полка. А наводчик же — боец бравый, дело знающий. Вася Петров. Спокойный, рассудительный. Зря патронов не жег. Лет на пять старше Шунина. Но быстро сошлись солдаты. Земляками себя называли. Петров из Пензы, Шунин из Самары.

Мало-помалу приучал Петров Шунина к фронтовой обстановке, к искусству пулеметного дела.

Но все равно нет-нет да опростоволосится в чем-нибудь новичок, «лезут» из него гражданские привычки. И максировался еще неумело и по-пластунски не очень хорошо передвигался. Да и особой меткости в стрельбе не проявлял.

Все это еще впереди у него было. Солдатская наука кровью и потом дается. Сразу ни у кого ничего не получается. Наступило затишье. Василий Петров с котелком в руках пополз к колодцу. Оттуда вернулся с водой и букетом алых маков.

— Там целая грядка их, как будто война им не война, шепчутся о чем-то красавицы. Отошлю своей Сонечке с письмом. Каковы цветочки, а!

Размягчились душой ребята. Стали вспоминать жен, детей, родные места свои, садочки с яблонями, рябиной, черемухой...

Но вскоре снова разгорелся бой.

Василию Петрову из Пензы так и не удалось тогда отослать своей Соне лепестки мака... Его в том бою смертельно ранило.

А Шунин словно родного брата потерял. Злой стал, ловкий, выносливый. Словно все свое умение воевать друг ему, умирая, завещал. И вскоре первая награда на груди молодого бойца , медаль «За отвагу», засветилась.

Кончилась война. Отслужил свой срок Шу-

нин. Но не ушел из армии, а остался на сверхсрочную. И первые маки у казармы посеял в сорок седьмом. В память о друге. С тех пор три военных городка сменил. И везде газоны с маками устраивает.

... Недавно по делам службы мне пришлось побывать в военном городке, где начинались мои лейтенантские годы. Николая Федоровича Шунина я уже не застал. Воины части торжественно проводили его в запас. Но газон с цветами так и остался в строю. Как и прежде, на ухоженном кусочке земли цвели ярко-красные маки. В память об ушедшем в запас старшине-фронтовике и его погибшем друге.

КАРАВАЙ

Полдень. Над учебным полем уже в который раз перекатывется гулкое «Ура!» Воины учатся наступать.

Взглянув на часы, руководитель занятий объявляет перерыв.

Разгоряченные «боем», заметно уставшие, солдаты валятся на сухую траву:

– Ух, благодать!

Скоро, устроившись поудобнее, один уже читает газету, другой строчит весточку домой. А иные лежат просто так на спине, глядя в голубую высь. Отдыхают.

Рядовой Алексей Приходько, вчерашний механизатор с Кубани, развязал свой вещевой мешок, достал оттуда пышный пшенич-

ный каравай с коричневой, поджаристой коркой и расписную деревянную солонку:

— А ну, ребята, теснее в круг! Приглашаю на хлеб-соль!

Все удивленно посмотрели в его сторону: что это, мол, еще за хлеб-соль?

— Товарищ сержант, — обратился Приходько к командиру отделения Юрию Гусятникову. — Прошу! И пригласите товарища лейтенанта. Каравай будем пробовать.

Когда лейтенант подошел, Алексей объяснил:

— Понимаете, вчера посылку из дома получил. Открываю, а там — этот вот каравай. Из муки нового урожая. Наш колхоз перевыполнил план хлебосдачи. Земляки пишут, мол, про нас и по краевому радио сообщили, и в газетах... Вот мать и испекла этот каравай: отведай, мол, сынок, нового хлебушка и товарищей угости. Разрешите разрезать?

— Пожалуйста, Приходько. Мы с удовольствием!...

Алексей бережно взял в руки каравай и, прижав его к груди, отрезал корбушку.

ЦВЕТЫ У ОБЕЛИСКА

Подразделение мотострелков совершало многокилометровый марш-бросок. Колонна машин остановилась на малый привал на окраине небольшого села. Кто-то из солдат заметил неподалеку обелиск-пирамиду с красной звездочкой:

— Смотрите, ребята, памятник! Подойдем?

Пирамида была деревянная. На темно-серой поверхности двух ее граней белели аккуратные столбики фамилий. На третьей стороне, обращенной к селу, солдаты прочли: «Вечная слава героям, павшим за нашу Родину!» Вокруг памятника разбиты цветочные клумбы.

Сняли пилотки, помолчали.

— Ай-вай! — нарушил молчание водитель боевой машины ефрейтор Георгий Гоберидзе, наклонившись к цветам. — Пить хотите, красавицы мои?

Он отстегнул от ремня солдатскую флягу с водой и стал поливать живительной влагой склонившиеся от жары анютины глазки, ромашки, флоксы.

Так же поступили и остальные. Каждый молча снимал с ремня флягу и поливал цветы.

— Вот теперь порядок, — сказал Георгий.

— Будете жить. А нам пора — служба.

Жара в тот день была, казалось, невыносимой. Но о воде никто не заговаривал.

ПИСЬМО

На итоговых занятиях отличился рядовой Анатолий Попов. Он мастерски, первыми же очередями поразил все мишени.

Наблюдавший за стрельбой генерал с похвалой отозвался о действиях солдата, объявил ему благодарность.

Вскоре ефрейтор Алексей Трофименко, ротный агитатор, уже выводил красным фломастером на листовке-«молнии» призыв: «Стрелять так, как рядовой Попов!»

— Ну, молодчина! — дружно радовались успеху Анатолия сослуживцы. — Поздравляем!

— Отцу напиши, — положив Анатолию руку на плечо, сказал его друг рядовой Костя Беляков. — Прямо отсюда, со стрельбища и на-

пиши. Ему, фронтовику, знаешь, как будет приятно!..

— Да надо бы, — согласился Анатолий, — конверта только не взял.

— А ты треугольничком, как с фронта когда-то посылали.

Анатолий примостился тут же, на небольшом, заросшем травой бугорке, стал писать. Потом свернул листок треугольничком, указал на одной его стороне адрес и отдал письмо ротному почтальону рядовому Василию Даниловичу.

Но когда тот принес треугольник вместе с другими солдатскими письмами на почту, сортировщица Оля, обычно приветливая, нахмурилась и наотрез отказалась принимать письмо Анатолия: «Такое не возьму, не по инструкции!»

Пришлось Василию терпеливо объяснять девушке, что письмо это не простое, особое, что адресовано оно отцу лучшего в их роте, солдата, ветерану-фронтовику...

Наконец, проштемплеванный треугольник лег в общую стопку конвертов.

... Утром, перед уходом на работу, Анна Владимировна заглянула в почтовый ящик. И обмерла, увидев в нем белый треугольник: так живо вдруг вспомнилось то далекое, грозовое время, когда шла война, когда ждала она с фронта весточки от мужа...

Дрожащими руками Анна Владимировна взяла письмо, пригляделась к адресу: «От Анатолия вроде, от младшенького. Его почерк...» И хотя видела, что письмо было адресовано не ей, а мужу – «Попову Ивану Никифоровичу» – не удержалась, развернула треугольник: «Уж не случилось ли чего с сыном...»

Прочитала первые торопливые строчки, вздохнула облегченно: «Все в порядке!»

К вечеру о необычном письме и о благодарности генерала знали уже все в селе. Первой к Поповым явилась их дальняя родственница, бабка Пелагея. Сделала вид, что о письме и знать ничего не знает.

– Телевизор у меня сломался, а нынче кино, говорят, интересное. Дай, думаю, загляну...

Пришла Ульяна, мать одноклассницы Ана-

НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
К-44412

толия — Лариски, с которой он переписывается:

— Слыхала, весточку от сына получили. А нам что-то давно нет. Что пишет-то?

Потом заглянули соседи, родня Поповых, народу набралось — полна изба. Подержали треугольник в руках, вспомнили войну, тех, кто не вернулся... И поплакали — не без того. И порадовались — хорошие сыны выросли, хорошая смена отцам!..

А когда гости ушли, Анна Владимировна достала из серванта картонную коробку, где хранились фронтовые письма мужа, и поверх пожелтевших от времени треугольников положила еще один — от сына воина.

ВЫМПЕЛ В КАБИНЕ

Ехали по лесной просеке. За стеклом кабины проплывали деревья, кусты. Мощный «Урал» легко преодолевал ухабы, ямы, разбрызгивая теплую, застоявшуюся в них воду.

Обычно разговорчивый, острый на язык, водитель рядовой Алексей Архипкин угрюмо молчал. Рядом с ним тоже молча сидел младший сержант Владимир Суханов, командир отделения. С Алексеем они выросли в одном городе, но до армии друг друга не знали. А познакомились на призывном пункте. С тех пор вот уже полтора года дружат.

Молчали долго. Первым заговорил Владимир:

— Ты что же это насупился, будто ежа проглотил?

— Да ну... — отмахнулся Алексей.

— Недоволен, что за первый этап марша не тебе вымпел дали, а Пчелинцеву? Ну, признавайся, ведь Пчелинцев — водитель что надо!..

— Да что вы с ним все носитесь? — взорвался Архипкин. — Пчелинцев то, Пчелинцев се... «Молодец», «Настоящий воин!» Захвалили его... Да Пчелинцев только- только в армию пришел, а у меня уже второй класс был. А чем я хуже него действовал сегодня по тревоге? В парк первый прибежал и запустил двигатель? Тебя ж даже ни разу не качнуло!..

— Да, водишь ты классно, слов нет. Но скажи, а кто в парке по тревоге лопату долго искал? У кого топор оказался со сломанным топорищем?.. Машина-то у тебя была не укомплектована!

— А, нашел причины! — огрызнулся Алексей. — Придирки. Все это мелочи, главное мотор и — «крепче за баранку держись шофер...»

Выехали на шоссе. В это время у идущей впереди машины красным светом вспыхнул стоп-сигнал. Колонна остановилась.

Привал!

Прозвучал сигнал на завтрак. Архипкин, все также угрюмо насупившись, достал из вещмешка котелок, ложку, кружку и молча зашагал в сторону полевой кухни.

Когда он проходил мимо машины рядового Аркадия Пчелинцева, тот тщательно протирал тряпкой забрызганные грязью стекла кабины своего железного коня.

«Ишь, вылизывает, — сердито подумал Архипкин. — Чистая, хоть сейчас в бокс ставь...»

Отойдя несколько шагов, он не удержался, украдкой бросил торопливый взгляд на машину Пчелинцева. Сквозь вычищенные стекла кабины алел шелковый флажок, на котором золотом было вышито: «Лучшему водителю».

«КОСМОНАВТ РУКУ ЖАЛ»

Такого удара молодой солдат Фаргат Гафуров не ожидал. И в школе, и на призывном пункте только и говорили, что о специальностях летчиков, ракетчиков, танкистов. В мечтах Фаргат видел себя даже космонавтом. А тут сразу как ушат воды на голову:

— Вы направлятесь в школу армейских кулинаров.

Первое время Гафуров даже домой писать об этом стеснялся.

Но служба есть служба, и тут ничего не поделаешь. Поваром так поваром. Командирам виднее. Специальность освоил на «отлично». Назначение получил к нам в роту. И вот — не нахвалятся своим поваром солдаты.

... По колонне объявили малый привал. Продрогли воины на ледяном ветру.

— Щец бы сейчас горяченьких! — мечтательно произнес один из солдат.

А походная кухня уже тут.

— Подходи! — командует Гафуров. И от одного запаха у солдат на душе веселее стало.

— Ну, спасибо, дружище! — хвалит повара младший сержант Карпов. — Теперь можно «повоевать».

Много поощрений получил за свою ревностную службу Фаргат Гафуров.

— Ну, а космонавт здесь при чем? — спросите вы.

А вот при чем.

Слышал я недавно такой разговор на кухне. Фаргат «бушевал», как щи на жарком огне.

— Поваром быть, говоришь, не почетно? Космонавтом тебе хочется быть? — отчитывал он молодого солдата в белом колпаке. — А ты знаешь, кому первому подал руку Андриян Николаев после восемнадцати суток полета? Повару! За его земные щи.

— Ну да? — недоверчиво переспросил солдат.

— Вот тебе и «ну да», — отходя, ответил Фаргат. — Большое тебе, брат, дело доверили. Цени это.

ЧАСЫ

Подполковник Александр Константинович Колокольников, получив телеграмму от сына-офицера, разволновался. Вот и едет Виктор в свой первый отпуск. Лейтенант. Командир взвода. А давно ли играл в войну с мальчишками во дворе? Потом был курсантом...

Вспомнилась поседевшему подполковнику своя лейтенантская юность. Годы тяжелые, послевоенные, наполненные трудом.

Хорошую смену себе они, ветераны, вырастили. Вот и его сын встал в армейский строй. Пишет теперь: не волнуйтесь, мол, отцы. Уйдете в запас, мы, сыновья, продолжим ваше дело... «А ведь, пожалуй, и впрямь пора в запас...» – подумал Александр Константинович.

Свое он отслужил. Много появилось в волосах седин. И медалей полна грудь. Награжден двумя именными часами. Одни – от командующего войсками округа, вторые – от Министра обороны.

Часы министра носит сам. А первые, от командующего, передал Виктору, когда тот окончил военное училище. «Лучшего подарка и придумать нельзя в честь такого события», – решил тогда Колокольников.

И вот прошел год. Дела у сына-лейтенанта идут хорошо. Взвод, которым командует Виктор, передовой. Все это радовало отца.

Наступил день приезда Виктора.

Крепкие объятия, радостные возгласы:

– А ну, покажись!... Возмужал!...

Вдруг взгляд Александра Константиновича случайно упал на руку сына. На ней вместо отцовских часов красовались новенькие «Командирские» в золоченом корпусе.

Настроение сразу упало. «Мои часы не стал носить, – хмуро думал подполковник. – Конечно, «Победа» сейчас не в моде. Куда приятнее и современнее «Командирские».

Что- то похожее на ревность шевельнулось в душе ветерана.

Потом, в суете дня, он забыл о часах. Вспомнил уже вечером за столом. Опять заныло где-то в душе Колокольникова.

Положение спас сам Виктор.

Заметив, как обидчиво поглядывает отец на его руку с часами, он понял в чем дело.

Лейтенант встал из-за стола. Достал из чемодана отцовскую «Победу» и сказал:

— Спасибо тебе, папа, за часы! Теперь возвращаю их назад. Они твои, законные. Ношу вот эти. Тоже от командующего. Заслужил на последних учениях!..

ЯБЛОКИ ДЯДИ АРКАДИЯ

Рядовому Александру Васильеву пришла посылка с яблоками, сочными, сладкими, душистыми, какой бывает антоновка, прихваченная морозцем.

— Ты волжанин, Васильев, а посылка с Украины, — полюбопытствовал сослуживец рядовой Иван Акмаров. — Как объяснить?

— Яблоки от дяди Аркадия, — с гордостью ответил солдат. — Угощайтесь, пожалуйста.

— Это не просто яблоки, — сказал Васильев. — Они имеют свою историю...

А история была такова.

Отец Александра Васильева во время Великой Отечественной войны был командиром танка. В его экипаже служили воины разных национальностей: заряжающий был татарин

Ахмет Садыков, механик-водитель – украинец Аркадий Резниченко, наводчик – русский Алексей Иванов.

Однажды экипаж получил боевую задачу: поддержать мотострелковое подразделение, наступающее на железнодорожную станцию. Бой был жестоким, но станция оказалась в наших руках.

После боя танк остановился в заброшенном саду. Экипаж выбрался из машины для отдыха.

– Что ты наделал, Аркадий? – воскликнул Садыков. – Зачем ее так?

Оказалось, танк наехал на яблоню и смял ее.

– К тому же яблоня не простая: антоновка, – полусерьезно сказал Васильев. – Знаешь, какие вкусные плоды бывают после первого мороза? Объедение.

– Наказать механика- водителя за неосторожность, – посоветовал Алексей Иванов.

– А что, правильно, – подхватил командир. – Наказать так, чтобы на всю жизнь.

— Вернусь с фронта, — мечтательно приговорил Аркадий, — посажу яблоню-антоновку, а как только даст она плоды — пришлю всем посылки.

— Смотри не обмани.

— Не обману, друзья. Клянусь...

Первые яблоки от дяди Аркадия пришли в семью Васильевых, когда Александр был уже в третьем классе. Посылки шли каждый год — фронтовая клятва оказалась сильнее всяких обязательств...

— И вот дядя Аркадий, узнав, что меня призвали в армию, — сказал рядовой Васильев своим друзьям, — прислал яблоки и мне. — Пожалуйста, угощайтесь.

ПОКЛОНЫ СТАРУШКИ

Это было на тактическом занятии. В пути наша машина остановилась в небольшой деревне. К нам подошла старушка с девочкой, видимо, внучкой.

— Тут нынче военные уже проезжали, — охотно вступила она с нами в разговор. — Мне вот помощь оказали. Сижу дома, слышу шум машин, думаю, зятек приехал за мной. Он, Михаил-то, на машине зерно от комбайнов возит. Обещал заехать и отвезти меня на фельдшерский пункт, на перевязку. Рука-то у меня, сыночки, нарывает... Вот открыла окошко и смотрю, а тут машина с красным крестом на боку к колодцу подъехала. В машине солдаты. Ну, думаю, раз машина с крестом,

так, может, и фельдшер есть. «Светлана, – говорю внучке, – сбегай к дядям-солдатам, может, у них фельдшер там есть». Внучка-то у меня боевая.

И вот привела она ко мне лейтенанта! Где, говорит, бабуся, болит? Рука, отвечаю, милый сыночек, нарывает.

Он осмотрел рану , положил мази, припудрил кое-где и так аккуратно, не спеша, перевязал.

Сынок, говорю, может, тебе деньги за работу дать? И сейчас до сих пор жалею, что сдуру-то брякнула о деньгах, обидела человека. Ведь в погребе у меня яблоки были моченые, вот и надо было угостить. Растерялась сразу-то.

А он мне в ответ: «Бабуся, мне лучшая плата, когда у вас все быстро заживет».

Вот так-то, милые. Молоденький лейтенант, а дело разумеет. Теперь еще дня три можно без перевязки быть.

Может, вы его знаете, Александра-то? Так передайте ему мое спасибо, сынки.

Вскоре мы поехали дальше. А старушка с внучкой махали нам вслед руками.

На следующий день я встретился с врачом части лейтенантом Казачковым. Его Александром звать. Спросил, не он ли проезжал в деревню в лесу?

– Да, – говорит, – проезжал, а что?

– Старушка там тебе поклоны передает за перевязку.

– Было дело, – улыбнулся лейтенант Казачков. – Спасибо.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

В тот день рядовой Вячеслав Дрождин проснулся за несколько минут до подъема. По падающим на спинку кровати и на табуретку ярким лучам он определил, что день должен быть теплым. Это его обрадовало. В день его рождения все должно быть хорошо. Ведь когда на улице тепло – это уже известно, что всем хорошо. Вот если бы еще в этот день можно было всех накормить вкусными булочками, пирогами и пирожными. Во всяком случае, дома это совсем неплохо получалось. Все родные и знакомые, которые приходили к Вячеславу поздравить его, еще с порога улавливали аппетитные запахи из кухни, где с утра хлопотала мать. Яблочные пироги и соленья, торты сводили с ума всех любителей сладкого.

Вспомнилось, как в прошлом году в средней школе, где он работал учителем рисования и черчения, пятиклассница Света Иванова от имени учеников поздравила его с днем рождения и вручила цветы.

День рождения в армии – другое дело. Тут все по-другому. Тут не до нежностей, не до сантиментов. Если каждому будут отмечать его «очередь» - «юбилей», – службу нести будет некогда.

И вот команда: «Подъем!» Через несколько минут солдаты уже в строю. Вячеслав, как всегда, занял место одним из первых. Но он успел заметить на стене плакат. К правому углу его прикреплен букет живых цветов, а по всему плакату крупными буквами надпись: «Поздравляем рядового Вячеслава Дрождина с днем рождения!» И сразу посветлело у него на душе.

На разводе для занятий командир перед строем поздравил солдата с днем рождения, пожелал дальнейших успехов в боевой и политической подготовке, здоровья и счастья, и

весь строй улыбнулся. А на обед, на обед-то сам повар рядовой Гвалия принес имениннику два шампура, унизанных ароматными кусочками баранины.

— Кушай, амиго. Если скажешь, что я плохой шашлычник, все равно не поверю.

Вячеслав даже растерялся. Ну кто это мог угадать его желание?

Впрочем, дня три назад, в час личного времени, он рассказывал, как участвовал в студенческом стройотряде на Кавказе и каким чудесным шашлыком там их кормили. Даже язык во время рассказа «проглатывал». И вот ведь кто-то «доложил» об этом Гвалии...

После обеда ротный почтальон рядовой Широков принес в казарму целую пачку писем и телеграмм на имя Дрождина.

Поздравляли родители, родные, товарищи по школе, в которой работал. И, конечно, ученики шестого «А» класса, которых он оставил, когда тот был еще только пятым «А». Но все равно ребята по-прежнему считают его своим классным руководителем.

День был как день. Все, что полагается делать солдату, Вячеслав делал. Но все равно это был необычный день. День , согретый улыбками.

ЖИВОЙ ПАМЯТНИК

В огороде деда Мартына растут два дерева — береза и яблоня.

Им уже больше сорока лет. Посадил эти деревья сын деда Мартына — Роман.

Рассказывают, что березка и яблоня посажены в память об окончании педагогического училища. Девятнадцатилетний учитель с нетерпением ждал первого сентября. Но ему так и не пришлось встретиться с учениками. 22 июня 1941 года на нашу страну вероломно напали фашисты, и Роман добровольцем ушел на фронт.

... Был последний год войны. В День Победы яблоня и береза покрылись яркой зеленой листвой. Уже птицы могли напиться росы с их

листьев. Деревцам стало тесно. Но у дяди Мартына не поднималась рука, чтобы их рассадить. «Вернется Роман и сделает сам», — думал он, хотя о сыне давно ничего не было известно.

Шли годы. Деревья разрастались все больше и больше. Пересадить их было уже нельзя. Яблоня дала первые плоды — горькие, терпкие на вкус.

— Спилил бы березку, — советовали соседи деду Мартыну. — Роман уже больше не вернется, а яблоня пропадет.

Но дед лишь сурово молчал. И теперь каждый может зайти на его огород и сорвать горьких, терпких, как воспоминания деда Мартына о без вести пропавшем сыне, плодов. Доныне стоят они рядом — раскидистая яблоня с плодами горькими, как думы Мартына о сыне, и взметнувшаяся над ней стройная березка, которая тянет на ветру руки-веточки в ту сторону, куда ушел в 41-м Роман, и зовет, зовет, зовет...

КУХНЯ

Учения начались с утра по тревоге. Молодой сержант Иван Перышкин, как это ни было для него удивительно, попал по боевому расчету на пункт хозяйственного довольствия. Он-то думал, что первые учения будут для него «первым боем», в котором он сумеет отличиться, а получилось иначе.

Прибыв на место, Перышкин доложил старшине о том, что готов к выполнению своих задач.

– Назначаю вас истопником, – сказал старшина.

Иван проглотил ком, угрюмо сказал: «Есть!»

Работы оказалось много. К тому же раньше Перышкин топора в руках не держал. Но тем

не менее к делу молодой солдат отнесся добросовестно. Семь потов с себя согнал, но в срок управился.

И вот на лесной полянке запахло щами, гречневой кашей. А запах мясной подливы так и возбуждал аппетит. Подразделения начали прибывать на обед. Повар, как дирижер палочкой, орудовал черпаком, разливал щи. Подошли солдаты и того взвода, в котором служил Иван Перышкин.

— Обед сегодня на славу, — похлопывали они его по плечу. — Как ты тут, в тылу, себя чувствуешь? Наверное, пригрелся, а? Все бы хорошо, да обидели Ивана слова «в тылу пригрелся».— Не знаете вы, как обед варится, как он «тыловикам» достается, — сказал Перышкин. — Вот посмотрите...

Протянул сослуживцам ладони, а на них — свежие мозоли.

— Неизвестно еще, кому из нас легче было, а кому тяжелей, — негромко добавил Иван.

Сослуживцы поглядели на его ладони уважительно и даже ложками работать перестали.

— Да вы ешьте, ребята, — улыбнулся Иван Перышкин, — сами же говорили, что обед сегодня вкусный...

У НАС СОБАКА

Письмо от Марианны, точнее, ее приглашение на новогодний вечер, полученное старшекурсником Игорем Дмитриевым, было коротким. Марианна решила встречать Новый год в заводском доме культуры и Игоря приглашала с собой. Письмо заканчивалось так: «Обязательно приходи. Постучи во второе окно от калитки — у нас злая собака...»

Игорь прочитал письмо, улыбнулся. «Заботливый человек, — подумал он о девушке. — Не забыла даже о собаке напомнить, чтоб не поставить меня в неудобное положение». Он тут же представил себя, как, войдя в калитку, встретил бы вместо Марианны оскаленную собачью пасть. А потом перед его глазами, воз-

никло милое девичье лицо. И он подумал о том, какой это будет для них счастливый вечер...

Но попасть на него Дмитриеву не удалось. Служба есть служба.

И только в субботу он освободился и сразу же поспешил к Марианне.

Вот ее дом. Вот второе окно от калитки. Игорь улыбнулся про себя, хоть надобности в том не было – день не вечер, – постучал в это окно. И в тот же момент во дворе залилась басовитым лаем собака. Лай был яростный, хрипловатый. За калиткой послышались шаги, резкий окрик заставил собаку замолчать. Калитку открыла Марианна.

– С Новым годом! – радостно сказал Игорь. – Ты понимаешь, какая история вышла...

– С Новым годом, – холодно перебила его Марианна. И уничтожающе добавила: – Такой вечер мне испортил! Пришлось срочно другого партнера искать...

Игорь поразился злым ноткам в голосе девушки. И дом ее, и забор с калиткой вдруг

показались ему какими-то не такими, как раньше.

Игорь повернулся и пошел прочь, а в памяти насмешливо звучала фраза: «Стучи во второе окно. У нас злая собака...»

СОЛДАТСКИЙ КОТЕЛОК

С тех пор в Цивиле много воды утекло. Зажила рана на правом колене , только синий бугристый шрам напоминает об осколке фашистской гранаты. Волосы побелила седина, а усы все еще не хотят сдаваться – по-прежнему рыжие. Солдатскую фуражку давно износили сыновья. Из фронтовых вещей только солдатский котелок остался в обиходе. С ним и его хозяином – татарином Ахметом – связано у Никифора много воспоминаний.

... Фашисты идут в атаку. Длинные очереди «максима» – и враги падают ниц. Бешено извиваясь, ползет матерчатая лента в патронник, кипит вода в пулемете.

– Воды, Ахмет, воды, дорогой! – кричит Никифор.

— Хазэр (сейчас, значит)! — отвечает Ахмет и ползет за водой. Через несколько минут пулеметчик слышит его голос:

— Вот Никифор-ага, держи котелок. Хороший вода... якши су... Немножко только выливался...

А гитлеровцы лезут и лезут...

И снова с бешеной скоростью отстукивает смертелтные такты «максим». Атака отбита. Наступают часы затишья. Котелок уже дымит ароматом солдатской каши. Возле него два закадычных друга: чуваш Никифор и татарин Ахмет. Стремление быстрее разгромить фашистских захватчиков и вернуть мир родной земле породнило солдат. Письмо из Татарии так же волновало чуваша, как теплые сердечные письма из Чувашии согревали татарина. Вместе делили радости и горести, и солдатский котелок всегда оставался общим.

... Закончилась война. С победой возвращались домой фронтовики. Пришел час расставания и для друзей. Трудно было вот так взять и разъехаться. Но недолго прощались они. И того и другого ждала родная земля.

— Никифор-ага, держи котелок себе на память о нашей фронтовой дружбе, — сказал Ахмет на прощание.

Никифор Григорьевич Никифиров крепко сжал руку Ахмета... Солдаты вернулись к мирной жизни. Как и до войны, Никифор вновь стал председателем колхоза. Ахмет пришел в свою кузницу.

Шли годы. У Никифора подрастал сын Вениамин. Казалось, давно ли сестры кормили его кашей из отцовского котелка, а теперь парень уже самостоятельно ходил на рыбалку, и в солдатском котелке плавали толстые пескари.

Вениамин успешно окончил среднюю школу. Рассказы отца о бесстрашных солдатах и командирах оставили большой след в его душе. Поэтому вопрос, куда идти дальше, какую выбрать профессию, не застал паренька врасплох. Он поступил в военное училище.

— Веня, нам пришлось испытать многое. В Отечественную войну мы отстояли мир. Теперь ты будешь нас оберегать от врагов. Будь хоро-

шим солдат сказал Никифор Григорьевич сыну и, по чувашскому обычаю, преподнес ковш шипящего пива перед дальней дорогой.

Училище для Вениамина Никифорова стало родным домом. Не забыты слова отца, он – отличник боевой и политической подготовки. Об этом старому солдату сообщил сам генерал.

А недавно Никифор Григорьевич получил от сына письмо. Вместе с письмом – фотокарточку. Видимо, с марша. Горит костер, возле него отдыхают курсанты, а в пламени огня дымится солдатский котелок.

ПАТРУЛЬ

Шаги по асфальту раздаются гулко-гулко. А улицы еще безмолвны. Курсант Михаил Белов нет-нет и вздохнет. Старший патруля замечает это и спрашивает о причине вздохов.

— Сегодня мы условились вон там, у скверика, встретиться с Олей, — смущенно признается курсант. — А встреча не состоится. Служба есть служба.

Шаги размеренно раздаются в утренней тиши. Старший патруля затаенно улыбается. Это хорошо, когда человек на первое место ставит службу.

Шаги уже неразличимы в шуме уличной суеты. Патруль несколько раз прошел по своему маршруту. Старший патруля вдруг свернул в

сторону маленького скверика, на который показал утром Михаил. Около входа в скверик виднелась девичья фигурка.

— Курсант Белов, даю вам десять минут...

— Спасибо, товарищ лейтенант! — просиял Михаил.

Он успел только объяснить Оле причину отсутствия в условленном месте. Впрочем, он уже был там. И объяснять ничего не надо было. Девушка все сама поняла.

— В следующее воскресенье обязательно встретимся. Иди, тебя ждут... — сказала она.

И снова — шаги по асфальту. Размеренные, спокойные. Служба прежде всего...

ВОСЬМАЯ МИНА

Был промозглый зимний день. Земля дышала изморозью.

Порывами налетал холодный резкий ветер, забирался под шинель, в рукава.

– Погодка, чтоб ее!.. – заябко ежились солдаты, шагая по учебному полю. Взвод лейтенанта Вадима Вовденко сегодня отрабатывал очередную тему, учился устанавливать мины.

Каждый воин хорошо знал это учебное поле, использованное ими самими и их предшественниками вдоль и поперек. Вот и сейчас им предстоит работать здесь, ползая по этой промерзлой земле. Сюда лейтенант Вовденко приводит их не в первый раз. И не одно направление действия, то и другое, то, изменяя

обстановку, расставит на поле мишени. Ни на минутку не дает расслабиться! Ученье есть ученье!

Вот командир шагает по полю, направляясь к отделению сержанта Сергея Кульназарова. Остановился около рядового Владимира Ильина, присел на корточки и невольно залюбовался работой солдата. Сергей ловко и аккуратно долбил мерзлую землю. У него все под руками: и мина, и коробка с взрывателем, и мешок для земли.

Постоял взводный, улыбнулся, мешать не стал, пошел дальше.

– Рядовой Моргачев! – закричал еще издали. – А землю кто за вас убирать будет?

Около невысокого плотного солдата лежала кучками земля, вынутая из лунки. Мелкие комья ее рассыпались кругом, резко выделяясь на снежном фоне. Моргачев сразу понял, чем обеспокоен командир, перестал работать и повернул к нему потное лицо.

– Так, товарищ лейтенант, после мы, наверное, мины-то вынимать будем... Чем тогда лунку засыпать?

— Ну, товарищ Моргачев, не ожидал я этого от вас! Во-первых, не вынимать, а извлекать. Во-вторых, делать все надо, как в реальной боевой обстановке!

— Уберу, товарищ лейтенант! Разрешите продолжить? — виновато сказал солдат и стал ссыпать землю в мешок.

Пока шла установка мин, взводный побывал в отделениях двух тезок — Александров, двух сержантов — Афонькина и Дергунова. Они работали вместе с солдатами, переползая от одного к другому.

Солдаты старались. Каждому хотелось отличиться перед офицером — опытным специалистом. Глубину лунок он не измеряет, видит на глаз. У него самого в руках дело спорится. Умеет работать офицер! Любит повторять подчиненным:

— Сапер все делает быстро. И не ошибается. На это у него права нет!

И вот следуют доклады: отделения закончили минирование.

Потные, изрядно утомившиеся, собирают-

ся солдаты на короткий отдых. Посматривая на лейтенанта, думают: «Хорошо бы извлечь мины, собрать их – и на обед!..»

Лейтенант подождал, пока солдаты перемотают портянки, потом приказал построить взвод. Прошелся раз-другой перед строем, скомандовал:

– Взвод, кру-гом!

Повернул к той полосе поля, где только что устанавливали мины. Постоял, подумал, что-то прикидывая, и сказал:

– Перед нами – минное поле «противника». Завтра наступление. Задача: проделать три прохода для наших танков. Оперативное время... О проделанной работе доложить!

Указал командирам отделений, где проделать проходы, и дал команду приступить к выполнению задачи. А сам присел невдалеке. Присел первый раз за весь учебный день. Он умышленно поменял местами отделения, чтобы солдаты не просто извлекали мины, а поработали на «чужом» поле. Думал: пусть помозгуют.

И опять у саперов началась тяжелая работа. Осмотр поля, определение схемы, первая мина... И пошло! Одну за другой обнаруживают и «обезвреживают» саперы коробки со смертельным грузом.

Вскоре сержант Афонькин бодро докладывал офицеру:

– Товарищ лейтенант, проход номер два готов!

– Хорошо! – сказал Вовденко и посмотрел на часы. – Сложите мины. Можно перекурить.

Затем докладывали сержанты Кульназаров и Дергунов. Перед взводным выросли три груды видавших виды учебных мин. Он долго смотрел на них, переводя глаза с одной на другую. Потом спросил сержанта Афонькина:

– Сколько мин сняли?

– Семь.

– Проверьте проход всем отделением еще раз!

Подчиненные Афонькина поползли по полю. А их соседи сидели, шутили, но без улыбок, глядя на тех, кому пришлось начинать все сначала.

Отделение Афонькина скоро вернулось. Впереди шагал сам сержант. За ним – рядовой Владимир Моргачев с миною в руках.

Нетрудно было догадаться, что нес он ее потому, что это по его вине мина осталась необнаруженной. Афонькин взял у Моргачева мину, положил ее на землю чуть поодаль от остальных, обнаруженных сразу. Поглядел на солдата. И не только для него, но и для всех сказал:

– Всех подвел... «Двойка» отделению.

В тягостной тишине было слышно, как кто-то из солдат, вздохнув, негромко посетовал:

– Из-за какой-то «железки» на обед опоздаем!

Лейтенант поднял голову:

– На обед не опоздаете! А вот танки, будь это боевая обстановка, из-за этой одной мины могли не выйти в атаку. Такой брак для саперов непростителен... Был такой случай. В сорок третьем. На Западном фронте. Саперы во главе с сержантом Широких проделывали проход в минном поле. Обнаружили три мины, кото-

рые не извлекаются. Пора уходить, вот-вот начнется артподготовка... Вы думаете, ушли? Нет! Сержант решил взорвать мины с началом артподготовки, чтобы фашисты не заметили, где проход. И, несмотря на ранение, не ушел до тех пор, пока сам не убедился, что мины взорвались.

Лейтенант сделал паузу, прикидывая, как лучше закончить эту не предусмотренную конспектом разборку занятия.

— Да, оценку отделению сержанта Афонькина я не объявил. Но вы ее сами уже знаете.

И все посмотрели на одиноко лежащую восьмую мину.

ЗИМОЙ, МОРОЗНОЙ НОЧЬЮ

В натянутой на кольях палатке, устланной свежесрубленными еловыми ветками, окружив чугунную печурку, отдыхают уставшие за день линейщики. В палатке царит полумрак. Лишь короткие языки пламени освещают серые солдатские шинели. Периодически в полосу света попадает скуластое лицо дежурившего у печки мордвина рядового Николая Пеняева, когда он подбрасывет чурки в пасть маленькой «обжоры»-печурки.

Рядом лежит его товарищ, чуваш, солдат Александр Семенов. Он никак не может заснуть, хотя Пеняев сменил его у печки с полчаса назад. И друзья ведут неторопливый разговор.

— Правда, Николай, что твой отец в войну все четыре года был на передовой?

— Да, верно. Дошел до Берлина. На рейхстаге расписался.

— Правда, что с маршалом Чуйковым лично знаком?

— Да, это было в Сталинграде. Орден Красной Звезды Чуйков собственноручно на гимнастерку отца прикрепил.

— Вот здорово!

— Батя был первым разведчиком в полку, — с гордостью заключил Пеняев.

Друзья замолчали. Снова было слышно лишь потрескивание дров в железной печке. Тихо посапывали солдаты. А за тугой тканью палатки мела поземка.

Семенов поднял голову.

— А мы, — спросил он, — как думаешь, выдержим такие испытания? Сумеем, как на фронте?

— Должны выдержать. Которые сутки на учениях — и никто не пожаловался на трудности и тяготы. Значит, сумеем. Да поспи ты, беспо-

койная душа! Командиры знают, что нам под силу, а что нет.

В палатку вдруг влез запыхавшийся от бега дежурный-телефонист рядовой Валерий Дубинин. Он пригляделся к спавшим солдатам, тесно прижавшимся один к другому, растормошил командира отделения Николая Овсянникова.

— Товарищ сержант, — доложил он, — связи нет.

— Почему? — спросонья хрипло спросил Овсянников.

— Не знаю. Лейтенант предполагает: на дороге порвался кабель. Танки в том направлении прошли. Может, они...

Рядовой Дубинин совсем негромко говорил с командиром, а солдаты, прислушиваясь, уже поднимались на ноги. Все были готовы выйти на линию.

Овсянников улыбнулся, сказал:

— Пеняев, за мной. Не забудьте прихватить сумку с инструментом... Рядовой Анисимов остается за меня.

— Товарищ сержант, — обратился к командиру Семенов, — разрешите с вами?

— Берите телефонный аппарат и — за мной, — сказал сержант.

За порогом их встретил крепкий мороз, минус 25, да мелкая колючая поземка.

— Вот там машина для вас, — махнул рукой в сторону поляны Дубинин.

Через некоторое время пути машина остановилась на первом участке. Здесь все оказалось в порядке. То же было и на втором.

Вскоре подъехали к дороге. Опасения лейтенанта оправдались. Именно здесь кабель и был разорван гусеницами танков.

Солдаты сразу же приступили к сращиванию кабеля. Вот тут мороз и постарался их донять. Деревенели и не слушались пальцы рук. Холодный ветер заползал под шинель, резал лицо, мерзли ноги.

Сержант включил аппарат в линию, радостно объявил:

— Есть связь! Порядок...

— Ну вот, можно и домой, — с облегчени-

ем проговорил Семенов, имея в виду приятное тепло палатки.

— Нет, — сказал сержант. — Надо укрыть кабель. А то пойдет танк — и снова сюда придется ехать.

Немудреные инструменты — лопата и киркамотыга — были извлечены из машины. И закипела работа.

Попотели изрядно, а канаву в промерзшем грунте все-таки отрыли.

И сделали все на совесть: теперь кабелю не страшны ни танки, ни другая техника.

— Ну, как дела, фронтовик? — похлопал по плечу Семенова Николай Пеняев, когда они поудобнее устраивались в машине.

— Хороши дела... — вздохнул ему в ответ Александр.

Водитель прибавил газ, машина помчалась в обратный путь, через поля и перелески, туда, где в палатке, окружив добрую «обжору»- печурку, на еловых ветках уютно расположились и отдыхали уставшие за прошедший день учений солдаты-связисты.

МУЗЫ НЕ МОЛЧАТ

Всю ночь ухали пушки, ревели моторами, лязгали гусеницами боевые машины пехоты. Всю ночь подразделение провело на стрельбище. У мотострелков, наводчиков-операторов шла стрельба-проверка на боевую зрелость. Они выдержали ее с честью.

На отлично выполнили упражнения рядовые Владимир Ветчинкин, Николай Шамрай, Алексей Гончаренко, Александр Стуканов.

Отличился в ту ночь и рядовой Александр Сальников.

Со стрельбища прибыли под утро возбужденные, радостные.

Ничего, что устали, зато сдержали слово, выполнили задание.

Взвод в целом получил отличную оценку.

Праздничное, приподнятое настроение царило в подразделении и на другой день.

Давайте отметим нашу победу! – предложили комсомольские активисты. – Концерт, что ли, организуем, а?

– Это идея! Как говорится, «после боя сердце просит музыки вдвойне...»

Вечером собрались воины. И зазвучали в просторной комнате, волнуя солдатские сердца, мелодии классической музыки. Их исполняли на виолончели и баяне рядовые Сальников и Стуканов. По душе пришлось собравшимся и «Сентиментальный вальс» Чайковского, и «Грезы» Шумана, и «Прелюдия» Баха... Аплодировали долго, не жалея ладоней.

После концерта к Александру Сальникову подошел его друг, агитатор взвода рядовой Владимир Ветчинкин:

– Спасибо! Порадовали вы нас со своим тезкой.

И, улыбнувшись, добавил:

– Хорошо играешь! Как стреляешь – мастерски!

«Эх, Николай бы слышал это! – подума-

лось Александру. — Может, понял бы, что не прав...»

Николай — это один из приятелей Сальникова по «гражданке». Как и Александр, профессиональный музыкант. Был у них с Николаем один спор... Впрочем, все по порядку.

... В тот день преподавтель музыкального училища по классу виолончели, выпускник Казанской консерватории Александр Сальников, как всегда, после уроков возвратился в общежитие.

Немного отдохнул и сел готовиться к завтрашним занятиям.

В дверь постучали.

— Да, да, войдите.

Вошла комендант общежития Лидия Алексеевна:

— Вам повестка из военкомата.

Он взял повестку, внимательно прочитал. Сказал:

— Ну вот и моя очередь подошла. Провожайте меня, Лидия Алексеевна, как моя мать названная, в армию.

— Ну, что же, Саша, — пртянула она ему

руку, – раз уж вы меня матерью повеличали, скажу по-матерински. Служите так, чтоб мы тут за вас радовались. А проводить – проводим, честь по чести... В добрый путь, сынок!

Сборы были недолгими. Лишнего с собой не брал, да и не нажил пока особого имущества. Только вот виолончель... Как с ней, звонкоголосой подругой, расстаться? Может, взять с собой?

– Конечно, возьми! – говорили одни. – А то и играть за два года разучишься, навык потеряешь.

Другие не советовали:

– Возиться-то с инструментом! Это ведь не свистулька, в карман не спрячешь.

А Николай так вообще высмеял:

– Наивный человек! Ты же не на гастроли едешь! Спорим, что там никому не нужна музыка? Это же армия , ар-ми-я! Когда говорят пушки, музы молчат...

С грустью тогда Александр простился с любимым инструментом. Потянулись армейские будни. Стал рядовой Сальников овладевать профессией наводчика-оператора боевой маши-

ны пехоты. «Научил» пушку «разговаривать».

А музыка? И с музыкой не расстался солдат. В части, где он служил, есть коллектив художественной самодеятельности.

Неплохой, между прочим, — на многих смотрах не раз завоевывал дипломы, призовые места.

Стал рядовой Сальников в свободное от службы время заниматься в самодеятельном ансамбле камерной музыки, подружился с воинами-музыкантами, рядовыми виолончелистами Николаем Чученко, валторнистом Николаем Якименко, кларнетистом Романом Амировым, сержантом флейтистом Валерием Соколовым. У всех у них высшее и среднее музыкальное образование.

Недавно солдатский ансамбль камерной музыки участвовал в областном смотре художественной самодеятельности, стал его лауреатом.

Послал как-то Александр на родину письмо Николаю. Рассказал о том, как служба идет, рассказал о смотре-конкурсе... В конце письма приписал: «А спор ты проиграл. Не молчат у нас музы».

ТОПОЛЯ РАСТУТ ХОРОШО

Когда прапорщик Александр Алексеевич Лукошкин возвратился домой, жена подала ему письмо.

— Кто-то из Тарту пишет, почерк незнакомый. Кто-нибудь из твоих бывших солдат.

— А-а, это Виктор Сергин, — сказал Лукошкин, посмотрев на конверт. — Ну-ка, посмотрим, как он там устроился. Молодец! Все у него в порядке. Токарь. Разряд получил. Привет роте передает.

Теплом и доброй памятью о хорошем солдате дышат воспоминания прапорщика.

— Смотри-ка ты! И тополя наши не забыл!

— Какие еще тополя? — удивилась Анастасия Трофимовна.

– Да те, что сажали накануне Дня Победы в городке, рядом с Мемориалом.

– А! Помню. Целую ведь аллейку тогда высадили. Хорошо принялись.

– Ну и Сергин тогда сажал. Как же ему не вспомнить? Он все еще тогда мне вопросы задавал: знавал ли я лично тех, чьи фамилии на обелиске выбиты...

– Ну а ты?

– Да как же мне их не знать-то? Не всех, а многих знаю.

– Лукошкин – коренной волжанин. Родился и вырос в Самаре. Работать начал рано. Был печатником в типографии им. Мяги, токарем на заводе. Когда началась Отечественная, до призывного возраста не хватало целого года. Хотел добровольцем. Не получилось. Один ответ:

– Молод. Успеешь.

– А ты к всесоюзному старосте обратись, – посоветовал кто-то из взрослых.

Послушался Александр Лукошкин, взял да написал письмо Михаилу Калинину. Так, мол,

и так, 17 лет уже, а на фронт не пускают. Скоро войне конец, а я... И не осталось то письмо без внимания.

Вскоре Сашу вызвал к себе сам командующий Приволжским военным округом. Хорошо поговорил, душевно. Но твердо.

– Семнадцати вам , молодой человек, нет. Это я точно узнал. Но как только исполнится, твердо обещаю, в первый же день будете призваны. В какой род войск хотели бы?

– В танкисты.

И быть бы Лукошкину танкистом, да военная судьба, когда на фронт прибыл, распорядилась по-своему.

– Ростом я тогда был невысок, худощав, на мальчишку смахивал, – вспоминает Александр Алексеевич. – Ну и приглянулся командиру полковой разведки. И стал разведчиком 241 полка 75 гвардейской стрелковой дивизии.

Сложная и опасная работа у разведчиков. Много раз переходил рядовой Лукошкин линию фронта, не раз участвовал в захвате «языка», взрывал мосты. Дошел до Берлина.

Воевал Лукошкин неплохо. Об этом свиде-

тельствуют его боевые награды. На груди ветерана – медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина» и другие. Всего пятнадцать медалей.

Кончилась война. Многие солдаты мобилизовались. Дошел черед и до Лукошкина. Но командир предложил ему остаться на сверхсрочную.

И стал воин-ветеран старшиной роты.

Зайдите в казарму, где живут подчиненные прапорщика Лукошкина, – и вам она обязательно понравится. Все здесь сверкает чистотою. Во всем видна добрая хозяйская рука. Здесь не только светло, аккуратно, чисто, но и по-домашнему уютно.

Однажды в комнате для посетителей мне пришлось быть свидетелем интересного разговора. Была зима. В гости к молодому солдату приехала мать. Она все расспрашивала сына о службе, о здоровье. С материнской участливостью потрогала его сапоги.

– Холодно, небось, в сапогах. Портянки хоть есть где сушить?

– Не беспокойся, мать, старшина у нас та-

кой, что без прослушанных портянок и сухой обуви из казармы не выпустит. Фронтовик он у нас, старшина-то. Знает, что к чему...

Но не только о быте солдатском заботится прапорщик. И на занятиях по тактике или на стрельбище фронтовик от души делится своим боевым опытом...

... В тот день воинов «обкатывали» танками. Это было обычное учебное занятие, но в условиях, максимально приближенных к боевым. Вначале солдаты окапывались, затем по команде на окопы, где находились воины, шли многотонные грозные танки. И, выражаясь солдатской терминологией, «утюжили» окопы. Это один из элементов психологической подготовки воинов. Цель его – ликвидация танкобоязни.

Солдат, находящийся в окопе, при подходе к нему танка должен забросить на эту многотонную машину противотанковую гранату.

Затем он должен лечь на дно окопа, а когда танк пройдет над окопом, бросить вновь гранату вслед железной машине.

Молодым солдатам была подана команда за-

нять окопы. Лязгая гусеницами, танки пошли на позицию.

— Товарищ прапорщик, идите сюда, — вдруг послышался голос рядового Александра Кирюшина из окопа. — По-моему, окоп неглубокий.

Времени у прапорщика тогда для успокоения воина не было.

Танк быстро приближался. Александр Алексеевич прыгнул к солдату в окоп и приказал ему бросить гранату в танк. Затем прапорщик прижал солдата своим телом на дно окопа. А когда танк прошел над окопом, Александр Алексеевич спросил:

— Ну, как с глубиной окопа?

Зарделся солдат.

— Разрешите, товарищ прапорщик, повторить... самостоятельно.

Как-то прапорщик Лукошкин заметил, что один из сержантов роты Казарян на занятиях по физической подготовке часто покрикивал на молодых солдат. Фронтовик сделал младшему командиру замечание.

— А что они, товарищ прапорщик, ничего не понимают? Говоришь им одно и то же, все равно без толку, — оправдывался сержант.

— Солдат не понимает командира тогда, когда командир забывает один из важнейших принципов обучения и воспитания: делай, как я, — говорил тогда прапорщик сержанту. — Ведь недаром в народе говорят: лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Вначале сами покажите, как надо выполнять подъем переворотом, затем терпеливо тренируйте... Только сначала сами. Обязательно сами...

— Что же, с сегодняшнего дня будете заниматься с физической подготовкой дополнительно. Буду заниматься с вами сам.

И помог старшина. Вскоре сержант Казарян безукоризненно стал выполнять упражнения по физической подготовке.

Авторитет прапорщика Лукошкина непререкаем. На стрельбище — он первый стрелок. На спортивном городке — лучший гимнаст. На плацу — отличный строевик.

... Поужинав, Александр Алексеевич сел пи-

сать ответ на письмо бывшего подчиненного. Прапорщик поблагодарил сержанта запаса Виктора Сергина за то, что не забывает однополчан, затем сообщил о делах в подразделении. Конечно, не забыл и о деревьях, которые посадил сержант Сергин в память о павших воинах.

– Тополя, посаженные вами, растут хорошо, – сообщил бывшему однополчанину прапорщик.

БРАТЬЯ

Иногда в шутку этот взвод называют братским. Ну посудите сами: рядовые Андросюки Владимир и Виталий – близнецы. Ящуки Виталий и Николай – близнецы. Ахсан Вакилов и Анатолий Овчинников – названые братья.

– А вы знаете, как побратались Анатолий и Ахсан? – говорит командир взвода. – В первое время с четырьмя близнецами с толку сбивался. И надо же, после первого тактического занятия еще два брата объявились: Овчинников и Вакилов...

И он рассказал мне такую историю.

На тактическом занятии в поле молодые солдаты отрабатывали действия разведчика-наблюдателя. Лейтенант Сергей Шаповалов подвел итоги. Среди отличившихся – братья-близ-

нецы Андросюки и Ящуки. Они с первых дней службы были известны старательностью и дисциплинированностью. «Пятерки» по строевой, по уставам...

— Везет Андросюкам и Ящукам — не успели еще домашние пироги переесть, а уже благодарность получили. А все почему? Потому что братья: тут вам и помощь и понимание. Вот и вся наука. Эх, где же мне взять брата, — вздохнул Овчинников во время перекура.

Овчинников считается во взводе балагуром, весельчаком. Всегда на все события во взводе у него готова острая шутка. И на этот раз его мечта найти брата вызвала улыбки сослуживцев.

— А ты с Ахсаном Вакиловым побратайся, — подсказал один из солдат.

— Верно, вполне подходят, — поддержали его.

Все рассмеялись. Ведь сходства-то между Ахсаном и Анатолием днем с огнем не найти.

Татарин Вакилов — до армии слеарь-монтажник — медлителен, немногословен. Из тех,

кто прежде чем отрежет, десять раз отмерит. Но если дал слово — сдержит.

Овчинников — мордвин. Смуглый. Подвижный. Улыбчивый. До призыва в армию работал в совхозе электромонтером. Холодильник ли, телевизор починить — для него ничего не составляет.

Посмотрел Ахсан спокойно на смеющихся ребят и сказал серьезно:

— Братьями— так братьями, я не против.

— Ну что, теперь ты наверняка доверишь мне письма своей незабвенной Мавзилии? Как-никак, братья! — похлопал Анатолий по плечу Ахсана и захохотал.

А когда взвод построился для продолжения занятия, Овчинников с разрешения командира встал рядом с Вакиловым. Как остальные братья.

Рядовые Виталий и Владимир Андросюки родом из Донецкой области. Оба сильные, высокие, стройные. Потому в строю — правофланговые. Владимир — автоматчик, Виктор — пулеметчик. До призыва в армию работали то-

карями. Работали добросовестно, за старание награждены ценными подарками.

Рядовые Виталий и Николай Ящуки из Ровенской области. Очень похожи друг на друга. Окончили профтехучилище и стали слесарями-сборщиками, поощрялись за добросовестный труд. Службу в армии обе начали хорошо.

После подведения итогов на первом этапе братья Андросюки и Ящуки получили благодарность от командования за отличную стрельбу и знание материальной части оружия, а Овчинников заработал полусерьезный-полушутливый упрек:

— Что же ты брата названого подводишь? Ведь он может и отказаться от такого родства. Нехорошо, не по-родственному.

У Вакилова действительно по всем предметам «пятерки» и «четверки», у Овчинникова же по физической и технической подготовке — «тройки».

Но Ахсан от родства не отказался. Когда остались одни, сказал Анатолию:

— Давай-ка возьмись, браток, за учебу, с шуточками можно и погодить. А я помогу.

Легко ли было слышать такое Овчинникову, которому не было во взводе равных по тактической подготовке? Что он, Вакилов, не помнит последнего учения?

... Отделение наступало на оборонящегося «противника», но было задержано огнем пулемета с левого фланга. Следовало принять какое-то решение. Командир, дав время поразмыслить своим подчиненным, выслушал каждого и одобрил решение Овчинникова: тот предложил атаковать «противника» рассеянным фронтом, сочетая огонь и движение. Это было самое рациональное решение в данной обстановке.

— Выполняйте!

Теперь рядовой Овчинников действовал в роли командира отделения. Он расположил воинов на исходной позиции для наступления. Окопались. Ручной пулемет установили на левом фланге. Поставив задачу пулеметчику открыть огонь по «противнику», Овчинников отдал приказ передвигаться по полю «боя» короткими перебежками, а сам ревниво следил за действиями названого брата. Тот четко вы-

полнял команды, прикрывая огнем каждый бросок.

Отлично действовали и братья Андросюки. Достигнув указанного рубежа, они заняли огневую позицию и повели стрельбу, по «вражскому» пулемету...

Вскоре сосредоточенным огнем отделения пулемет противника был подавлен. И солдаты, не медля ни секунды, стремительно пошли в атаку и завладели траншеями «врага».

Задача была выполнена. Рядовому Анатолию Овчинникову командир объявил благодарность.

Но заслуги заслугами, а «тройки» «тройками». Анатолий от помощи Вакилова не отказался, хотя, как уже говорилось, задело за живое. Все заметили – стал более внимательным на занятиях, уже не балагурил во время самоподготовки – трудился.

Результаты сказались, конечно, не сразу. Но на следующем подведении итогов командир уже приводил в пример службу рядовых Овчинникова и Вакилова. Анатолий вышел на хорошо» по технической подготовке, делал

успехи по физической. В числе лучших по-прежнему были Ящуки – знаменитость части.

Знаменитыми братьями стали после кросса. Их выступление еще долго обсуждалось и командирами, и солдатами. Это была красивая борьба за минуты, секунды. Братья перекрыли нормативы первого разряда. На финиш первым пришел Николай. Всего на несколько секунд от него отстал Виталий.

Братья Андросюки достигли похвальных высот в овладении боевым мастерством. Получать за каждую стрельбу «отлично» – стало их правилом. То же самое по физподготовке. Но сколько труда стоит за этим, сколько взаимной требовательностии поддержки!

Не подвели братья подразделение и на последних полевых занятиях. Действовали, как и полагается воину, четко, слаженно.

Успехи взвода – это результат каждодневного самоотверженного труда моих подчиненных, – говорит лейтенант Шаповалов. – А тон у нас во всем задают братья.

ДРАГОЦЕННАЯ ВЕСТОЧКА

Девушка-почтальон легко вбежала на крылечко дома и позвонила в квартиру Арслановых. Дверь тотчас же открылась.

– Ждем тебя, дочка, ждем. Чем порадуешь сегодня? – гостеприимно встретила девушку пожилая женщина.

– Письмо вам, – девушка протянула конверт и настороженно посмотрела на Аклиму Газизовну. Раньше сюда часто приходили письма с воинским адресом, но то были письма от сына, а это официальное. «Не случилось ли чего?!» – беспокоила девушку мысль.

Пока она звонила в соседнюю дверь, Аклима Газизовна уже вскрыла конверт и , прочитав первые строки, радостно сказала:

– Приятную весть принесла, дочка. Большое тебе спасибо, милая!

«Уважаемые Аклима Газизовна и Миргалей Нургалеевич! – перечитывали родители письмо. – Командование части горячо благодарит за воспитание сына. Наиль свято выполняет свой воинский долг перед Родиной, с первых дней армейской службы показывает пример добросовестного отношения к порученному делу, настойчиво овладевает своей боевой специальностью.

Вместе с вами мы гордимся вашим сыном – отличным воином, надежным защитником Родины».

Миргалею Нургалеевичу невольно вспомнился вечер проводов сына в армию. Собрались старые фронтовые друзья, родственники, товарищи сына. Когда разговор зашел о военных годах, молодежь притихла, прислушиваясь к беседе старших. Из рук в руки пошел фотоальбом. Каждый снимок в нем – частичка жизни Миргалея Нургалеевича. На одном из них артиллерийский расчет у орудия.

«Прорыв блокады Ленинграда», – скупая подпись. И словно рядом прозвучал хрипловатый голос почерневшего от усталости заряжающего:

– Товарищ старший лейтенант, неужели и нашим сыновьям придется воевать?!

Ему ответил один из стоявших рядом батарейцев:

– Изгоним фашистскую мразь — и на земле восстановится мир, а значит, и у наших детей будет счастливая жизнь...

Старшему лейтенанту Арсланову тоже хотелось верить, что не будут падать на землю сраженные металлом солдаты и его сыну не выпадет тяжелая фронтовая судьба. Но офицер хорошо понимал, что надо быть готовыми в любой момент защитить Отчизну, дать достойный отпор агрессорам. Может, поэтому командир батареи и помедлил тогда с ответом...

А потом, спустя годы, он провожал своего сына в армию.

– Пусть начинает с солдатской службы, а в училище поступит, когда узнает, что такое ар-

мейская жизнь, – успокаивал Миргалей Нургалеевич жену. – Из Наиля должен получиться хорошо знающий свое дело офицер.

...Всего несколько месяцев прошло с той поры, как Наиль стал солдатом, а он уже – отличник учебы, успешно освоил боевую специальность. Да и товарищ он замечательный. Любят сослуживцы рядового Арсланова за душевную щедрость, принципиальность, добросовестность, умение дружить, быть и чутким, и строгим.

Многие в подразделении помнят случай, который произошел во время лыжного кросса. В тот день на трудную дистанцию вышли представители команд от всех взводов. Предстояла упорная борьба, в которой каждая секунда могла стать решающей. Трасса пролегла по пересеченной местности и требовала полного напряжения сил.

Наиль Арсланов шел впереди накатистым шагом, энергично работая палками. «Скорее, скорее, команде нужна победа!» – тревожила сознание мысль.

— Арсланов! — неожиданно окликнул Наиля товарищ по команде рядовой Брюханов. — Давай срежем дистанцию. Никто не заметит...

— Ты кого обмануть хочешь? — строго оборвал его Наиль.

Брюханов попытался что-то возразить, но Наиль властно скомандовал:

— Быстрее, быстрее, время не ждет.

И в этих словах была такая решимость, что и Брюханов, и все идущие позади лыжники, на мгновение замешкавшиеся от «заманчивого» предложения Брюханова, прибавили шаг.

Результаты показали неплохие. Но самой большой радостью для всех было то, что ни один из участников кросса не смалодушничал, боролся до конца. И товарищи с благодарностью посматривали на рядового Арсланова, словно впервые увидели, что неприметный на первый взгляд Наиль на лыжне оказался волевым человеком, сильным и честным спортсменом.

— А как же иначе? —удивился Арсланов, когда ему сказали об этом.

Таков он всегда: прямой, честный, трудолюбивый. Если Наилю поручат какое-то дело, можно быть спокойным — не подведет.

Для Наиля в службе нет мелочей. Все он делает всерьез и вместе с тем как-то легко, словно давным-давно знаком и со сложной техникой, и со строгими армейскими порядками. Лишь немногие знают, каким трудом достигаются эта легкость, точность и умение. Наиль не любит говорить о трудностях. Без них, мол, не обойтись, и надо найти в себе силы преодолеть преграды. Так он и поступает сам, так учит товарищей.

Одно время не ладилось со специальной подготовкой у рядового Егора Измалкина, земляка и друга Наиля. Практические навыки работы на аппаратуре он приобрел быстро, а вот с теорией вышла загвоздка. Сложные схемы оказались не по силам Егору. И солдат стал обходить трудности.

Это не осталось без внимания Наиля Арсланова. Он подошел к рядовому Измалкину и прямо сказал:

— Знаешь, Егор, хитри — не хитри, а схемы читать ты должен. Иначе какой же ты специалист, если вслепую выполняешь операции, не вникая в их суть?.. В бою выйдет из строя блок, а ты не сумеешь найти неисправность, устранить ее.

Спорить долго не пришлось. Егор, хорошо зная, что Наиль не оставит его в покое, пока не научит разбираться в схемах, коротко ответил:

— Завтра возьмусь за учебники...

— Зачем завтра? Сейчас начнем...

Так и стали сообща постигать то, что казалось недоступным рядовому Измалкину. Теперь Егор уже сам помогает сослуживцам разбираться в сложных схемах.

Таких моментов в жизни Арсланова было очень много. Всех их он и не пытается помнить. Да и зачем это ему, если принципиальность, честность, готовность прийти на помощь сослуживцу, стремление неустанно совершенствовать свои знания и навыки являются неотъемлемыми чертами характера Наиля Арсланова.

«А как же иначе!» — чаще всего отвечает такими словами Наиль на благодарность товарищей.

Он солдат. Сегодня в звании рядового. Но пройдут годы— и вполне вероятно, что он станет офицером. Чтобы оставаться солдатом родной земли, ее защитником, быть похожим на своего отца, на тех, кто вместе с ним защищал Родину. Наиль твердо выбрал себе профессию военного. Отец и мать благословили его на ратный труд, как тысячи других матерей, проводивших сыновей в армию.

«... Мы очень рады, что наш Наиль образцово несет солдатскую службу, — отвечали родители рядового Арсланова в письме, которое пришло в подразделение, — гордимся, что он отличный специалист, дисциплинированный воин. Наш наказ ему: по-прежнему быть достойным защитником Родины, умело овладевать военным делом и приумножать ратную славу воинов Вооруженных Сил».

Идут письма с обратным воинским адресом в Уфу, в квартиру фронтовика Миргалея

Арсланова. Среди них, написанных рукой сына, пришла драгоценная весточка и от тех, в чьи руки вручили родители судьбу Наиля.

«Отлично служит ваш сын... Спасибо вам за его воспитание», –эти строки трогают сердца родителей.

Гордые и счастливые, Аклима Газизовна и Миргалей Нургалеевич перечитывают их по многу раз и вновь радуются:

– Верным путем идет Наиль. Честно служит солдат Родине...

«ПУСТЬ МЕНЯ НЕ РИСУЕТ ХУДОЖНИК»

Этой песней у нас «болеют» все солдаты. А пошла она от рядового Виктора Занкина.

Пусть меня не рисует художник
И певцы обо мне не поют,
Но, я знаю, армейский сапожник
Тоже делал фашистом капут.

Узнал Виктор эту песню от отца, который привез ее с фронта. Николай Федорович Занкин, армейский разведчик, ходил в лихие рейды, брал «языков». Но однажды подорвался на мине. Потерял правую ногу.

Долго лежал в госпитале. А потом вернулся в часть. Понятно, в разведку больше не ходил. Овладел новой военной специальностью, стал сапожником. И, как говорили солдаты, его сапоги до самого Берлина не знали износу.

Прибивая подошву или выкраивая заплату на голенище, Николай Федорович неизменно напевал: «Пусть меня не рисует художник...»

Виктор подозревал, что отец сам сочинил эту песню.

После войны Николай Федорович не бросил сапожное дело. Помаленьку и Виктор у отца научился. Он сыну частенько говорил:

— Кто умеет хорошо сапоги тачать — первый у старшины солдат.

И вот когда Виктор надел армейскую шинель, старшина прошелся перед строем молодых воинов:

— Ну, а кто из вас знает сапожное дело?

— Я! — сказал Занкин.

В тот же день ему выдали инструменты. С тех пор Виктор и сапожничает. Солдат без сапог — не солдат: по полю не пробежит, на стрельбище не выйдет.

... Стучит в мастерской молоточек. Выйдет оттуда солдат, притопнет сапогом и веселее зашагает по плацу. И частенько в этот день слышишь в роте: «Пусть меня не рисует художник...»

СОДЕРЖАНИЕ

Призван навсегда 3
Алые маки старшины 5
Каравай 11
Цветы у обелиска 13
Письмо 15
Вымпел в кабине 19
«Космонавт руку жал» 22
Часы 25
Яблоки дяди Аркадия 28
Поклоны старушки 31
День рождения 34
Живой памятник 38
Кухня 40
«У нас собака» 43
Солдатский котелок 46
Патруль 50
Восьмая мина 52
Зимой, морозной ночью 59
Музы не молчат 64
Тополя растут хорошо 69
Братья 77
Драгоценная весточка 84
«Пусть меня не рисует художник» 93

ИЗМАЙ ИЗЕМБЕК

(Григорьев Измаил Михайлович)

ВОСЬМАЯ ЖИНА

Рассказы и зарисовки

Редактор *А.И.ДМИТРИЕВ*
Художник *Л.Я.ПАВЛОВ*

Лицензия ЛР № 040992 от 28 июля 1999 г.

Сдано в набор 18.12 2000. Подписано в печать 27.12.2000 г.
Формат 60x84/32. Бумага офсетная. Гарнитура Times ET
Печать офсетная. Усл. печ. л. 3. Тираж 1000 экз. Заказ № 3466.

Отпечатано в РГУП «Цивильская типография»
Госкоминформпечати Чувашской Республики.
429900, г. Цивильск, ул. Просвещения, 41.

Измай ИЗЕМБЕК (ГРИГОРЬЕВ Измаил Михайлович) родился 5 января 1945 года в д. Малые Челлы Красноармейского района.

Учился в Чебоксарском электромеханическом техникуме, Омском высшем общевойсковом командном училище, факультете военной журналистики во Львове, Чувашском госуниверситете, в военной академии в Москве. Полковник запаса. Кандидат исторических наук. Доцент. В армии служил на различных должностях: командир взвода, роты, корреспондент, ответственный секретарь армейской газеты «Защитник Родины», преподаватель, начальник кафедры общественных наук в Ульяновском высшем военно-техническом, Нижегородском высшем военном строительном командном училищах.

Член Союза писателей и журналистов Российской Федерации.

Лауреат литературной премии Нестера Янгаса.

Председатель землячества Красноармейского района «Трак ен».

15=00

ТОО ФИРМА

"МОДУЛЬ"

СТАБИЛЬНОСТЬ И ПОРЯДОЧНОСТЬ

- Дорожные и общестроительные работы
- Прямые поставки металлорежущих инструментов, подшипников, эл. оборудования; кабели, строительные материалы, спецодежда, товары народного потребления
- Работы по профилактическому испытанию оборудования
- Газификация
- Строительные механизмы и инструменты
- Автозапчасти: ВАЗ, ГАЗ, КАМАЗ
- **Производим взаимозачеты**

428024, г. Чебоксары, пр. Мира, 90
Генеральный директор Алексей Николаевич Львов
Тел./Факс: (8352) 55 97 07, 23 52 52.